Модели поведения Российской Федерации в международных конфликтах 1990 – 2000-х гг.

А.А. Сушенцов

В статье уточняется предложенная автором типология конфликтного поведения, дается классификация наиболее значительных международных конфликтов 1990–2000-х гг. с участием России, приводятся результаты углубленного прикладного анализа грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. и поведения в нем Грузии, России и США.

Теория конфликтного поведения является одним из направлений общей теории международных отношений. Подлинно научный статус теории международных отношений обрела в середине 1940 – 1950-х гг., когда усилиями группы американских ученых были инициированы систематические прикладные исследования по теории политического анализа и конфликтологии, совокупность которых составила направление исследований безопасности (security studies). Важным научным результатом школы «исследований безопасности» стала разработка теории конфликтного поведения государств. Под конфликтным поведением в отечественной историографии принято понимать образ действия, при котором основным инструментом достижения цели мыслится и реально выступает конфликт¹.

Термин «безопасность», ставший ключевым компонентом современной теории международных отношений, был введен в академический лексикон в 1920–1930-х гг. Одно из наиболее употребимых определений «безопасности» было

предложено американским исследователем Дж. Филдингом как «состояние защищенности от возможного нанесения ущерба, способность к сдерживанию или парированию опасных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба»². Столь широкое толкование явления – результат многочисленных теоретических дебатов среди представителей американского междисциплинарного направления исследований безопасности. Плодотворному развитию указанной школы способствовали несколько факторов:

– во-первых, начиная с середины 1940-х гг. американский истеблишмент был глубоко заинтересован в развитии фундаментальных стратегических и политологических дисциплин в связи с растущей потребностью к предсказанию поведения главного послевоенного соперника США – Советского Союза. На вершине повестки политического планирования обеих держав в то время стояли вопросы обеспечения собственной безопасности. По этой причине основное содержание исследований безопасности составили труды по изучению войн. Принадлежащие к этому

Сушенцов Андрей Андреевич – к. полит. н., преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: asushentsov@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении ПНИР по теме «Психология международного конфликта: национальные модели конфликтного поведения (на примере Российской Федерации)», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Государственный контракт № 16.740.11.0697 от 08 июня 2011 г.)

■ Международные отношения

направлению исследователи исходили из предпосылки о реальной возможности вооруженной конфронтации между державами и говорили о значительном влиянии военной силы на общество и государство.

Исследования безопасности можно охарактеризовать и как направление, изучающее «угрозу использования, использование и контроль над вооруженными силами»³. Школа «исследований безопасности» в этой связи:

- изучает условия, при которых использование силы наиболее вероятно;

- исследует воздействие военной силы (угрозы ее применения и т.п.) на отдельных людей, общества и государства;

- анализирует политику государства по подготовке к ведению войны и предотвращению применения силы по отношению к себе;

- во-вторых, в ситуации биполярного противостояния второй половины XX в. конфликты между «сверхдержавами» стали разворачиваться на фоне перманентной угрозы ядерной войны. Это придавало драматический характер процессу принятия внешнеполитических решений и, как следствие, теоретическим работам по международной безопасности в целом. Появление оружия массового поражения вновь подхлестнуло гонку вооружений, выведя ее на качественно иной уровень. Отныне колоссальные средства вкладывались не только в совершенствование военно-промышленных комплексов стран и создание новых видов вооружений, но, исходя из возможности полного взаимного уничтожения в случае войны, и в разработку интеллектуального орудия борьбы с оппонентом.

«Исследования безопасности» как направление стало напрямую обслуживать официальный внешнеполитический курс США и получать соответствующее статусу финансирование. Это способствовало формированию политико-академического комплекса страны⁴. Деятельность исследовательских групп тех лет привела к появлению теорий: рационального сдерживания; широкомасштабной военно-политической конфронтации, опирающейся на наличие и возможность использования ядерного оружия; стабильности и локального ядерного столкновения и т.п.;

- в-третьих, благодаря притоку в страну способных аналитиков из Европы, пополнивших группу гражданских экспертов по вопросам безопасности, в середине XX в. был чрезвычайно укреплен «интеллектуальный суверенитет» США в этой области. Отличительными особенностями направления исследований безопасности следует назвать открытость публикации большого числа интеллектуальных продуктов, массовое тиражирование книг и статей, широкую распространенность концепций школы в политико-академическом комплексе США, средствах массовой информации и общественном сознании. Подобные разработки, предпринимавшиеся в СССР, относились к компетенции специальных научных учреждений и разведывательных органов, они и по сей день остаются закрытыми⁵.

Сложившаяся к тому времени в США система финансирования исследований по международной безопасности (бизнес – государство – НПО – научные институты) характеризовалась ведущей ролью крупных частных фондов («Фонда Форда», «Фонда Карнеги», «Фонда Джона Олина», «Фонда МакАртуров», «Фонда Смита–Ричардсона»). Это давало возможность военным и деловым элитам США пользоваться услугами широкого круга гражданских специалистов при формировании внешней политики страны, в том числе при необходимости вынесения решения о применении военной силы.

Современная картина теории международных отношений в значительной степени определяется произошедшим в ней в 1960–1970-х гг. синтезом двух направлений – исследований безопасности и общественных наук, что повлекло за собой превращение прикладных исследований в социальную дисциплину. В качестве таковой школа исследований безопасности сконцентрировала свое внимание на определении логических предпосылок и условий использования силы в международных отношениях. Отныне разработка практической теории стала проходить в три этапа: создание – апробация – применение, а основной задачей всего направления стало достижение наиболее полного знания о значении военной силы для международных отношений⁶.

На волне повышения наукоемкости прикладных исследований была по-новому интерпретирована теоретическая основа исследований безопасности – парадигма политического реализма⁷. Вопреки популярным в годы «разрядки» либеральным теориям, неореализм Кеннета Уолтца указал на непреходящее значение фактора силы в международных отношениях и существование объективных ограничений на ее применение. Это способствовало новому осмыслению основных регуляторов государственного поведения – анархичной природы международной среды и проистекающей из нее постоянной угрозы войны.

Параметры развития современной науки о международных отношениях с ее доктринальной сухостью и вниманием к вопросам глобальной стабильности были заданы в 1940–1950-х гг. группой американских историков и политологов, разрабатывавших способы эффективной реализации послевоенного преимущества США в терминах силового противостояния с Советским Союзом. Привлечение гражданских экспертов к анализу двусторонней ядерной конфронтации привело к перенесению военной «повестки» в молодую гражданскую науку о международных отношениях. На рубеже 1960–1970-х гг. учеными была осознана тупиковость военной конфронтации между сверхдержавами. Наука о международных отношениях начала эволюционировать в сторону анализа мотивов поведения государств для того, чтобы достигнуть большей управляемости над основным процессом эпохи – международным конфликтом.

В процессе синтеза естественных и гуманитарных наук в теорию международных отношений проникли многие положения психологии. Одним из наиболее успешных заимствований стало применение к международным отношениям теории американского психолога Абрахама Маслоу. В своей работе «Мотивация и личность», впервые вышедшей в 1954 г., А. Маслоу ввел положение о двух категориях биологических мотивов деятельности. Первая имела источником ощущение нехватки, дефицита чего-то, что считалось необходимым для выживания соответствующего субъекта. Двигателем второй было стремление субъекта к избытку, росту или самораспространению.

В дальнейшем в тексте речь будет вестись о дефицитарных мотивациях и мотивациях избыточных, или, по-другому говоря, мотивах дефицита и избытка. Первые в литературе трактуются как нацеленные на снижение напряжения, вызванного неудовлетворенностью одной из базовых потребностей субъекта. Вторые нацелены на самомобилизацию с целью найти и испытать новые волнующие переживания. Есть основания полагать, что ресурс рационального воздействия на поведение, основанного на мотиве дефицита, меньше, чем мотивированного избыточно. Примером последнего выступает неравновесный паритет между

двумя мировыми лидерами времен биполярной конфронтации. Управление конфликтом при поведении на основе мотива дефицита затруднено, поскольку субъект сосредоточен на цели, которая в его глазах является жизненно важной. В этом случае управление конфликтом возможно преимущественно путем его замораживания или, напротив, бесконечной эскалации, вплоть до уничтожения источника конфликта.

В предыдущих работах автора по теме моделей конфликтного поведения были изложены основные положения подхода к анализу международных конфликтов с точки зрения поведения в них государств⁸. Были выделены четыре мотивационных типа современных международных конфликтов: ресурсный, игровой, демонстрационный и девиантный. К группе ресурсных конфликтов был отнесен подтип конфликтов за лидерство, понимаемое как комплексный ресурс. Группа демонстрационных конфликтов подразделена на пенитенциарные, протестные и аффективные подтипы, а группа игровых включила в себя подтип провоцирующего конфликтного поведения. В кратком виде классификацию международных конфликтов по типам и мотивам поведения их участников можно представить в виде следующей аналитической таблицы.

Таблица 1

Типы и мотивы конфликтного поведения в мировой политике

Типы / мотивы	Дефицитарный	Избыточный
Лидерская	<ul style="list-style-type: none"> • Конфликты самоопределения. • Этнополитические и этноконфессиональные конфликты. • Межэтнические конфликты, в т.ч. вытекающие из проблем миграции 	Междержавная конкуренция во всех областях, <ul style="list-style-type: none"> • от военно-стратегической (Тройственный союз против Антанты) • до статусно-символической (спор России и Франции за право преимущественного покровительства над Святой Землей во второй половине XIX в.)
Ресурсная	<ul style="list-style-type: none"> • Внутриполитические репрессии. • Инструментальное блокирование с сильным государством («коалиция по выбору»). • Разбойные набеги как экономическая модель 	Борьба за ресурсы всех типов: <ul style="list-style-type: none"> • ископаемые, • «жизненное пространство», • квалифицированные кадры и проч.
Протестная	<ul style="list-style-type: none"> • Устрашение. • Политическая реакция. • Абсентеизм и саботаж (пассивная форма) 	<ul style="list-style-type: none"> • Доктрина «сдерживания». • Советская Россия в ходе интервенции. • Политика затягивания (неявного препятствования) вступления России в ВТО
Пенитенциарная	<ul style="list-style-type: none"> • Реваншизм Германии после Первой мировой войны. • Мстительность исламистов 	<ul style="list-style-type: none"> • Деятельность Международного суда. • Миротворчество. • Принуждение к миру. • Концепция «справедливой войны»
Игровая	<ul style="list-style-type: none"> • Поведение Польши накануне Второй мировой войны 	<ul style="list-style-type: none"> • Концепция «правил поведения» США и СССР на фоне опасности взаимного гарантированного уничтожения. • Спортивные состязания
Провоцирующая	<ul style="list-style-type: none"> • Поведенческие приемы КНДР. • Японские камикадзе. • Германия в последние месяцы Второй мировой войны 	Внешнеполитическое поведение <ul style="list-style-type: none"> • Ирана, • Кубы, • Белоруссии
Патологическая	<ul style="list-style-type: none"> • Политика геноцида камбоджийцев режимом «красных кхмеров» в Камбодже 	Различные версии мессианского радикализма: <ul style="list-style-type: none"> • Нацисты в Германии. • Неоконсерваторы в США. • Большевики в России. • Радикальные исламисты. • Идея панславянского государства со столицей в Константинополе
Аффектная	<ul style="list-style-type: none"> • Действия ГКЧП в СССР. • Вероятное применение ОМУ режимом С. Хуссейна в ходе вторжения в Ирак в 2003 г. 	<ul style="list-style-type: none"> • Концепция США по «войне с террором». • Попытка государственного переворота в России 14 декабря 1825 г. («восстание декабристов»)

■ Международные отношения

Предложенная типология конфликтного поведения дает возможность углубленного прикладного анализа международных ситуаций. Удобным примером для апробации нашей модели служит грузино-югоосетинский конфликт 2008 г. Рассмотрим поведение отдельных участников этого конфликта на разных его стадиях.

Таблица 2

Эволюция поведения отдельных участников грузино-югоосетинского конфликта (август 2008 г. – август 2009 г.)

Участник / фаза конфликта	Накануне	В ходе	По окончании	Спустя 1 год
Грузия	Провоцирующий бытийный	Аффективный бытийный	Аффективный дефицитарный	Патологический дефицитарный
	Ресурсный дефицитарный			Протестный дефицитарный
Россия	Протестный бытийный	Пенитенциарный бытийный	Лидерский бытийный	
США	Лидерский бытийный	Протестный дефицитарный		Протестный бытийный

Конфликтное поведение Грузии на протяжении наблюдаемого периода было отмечено высокими темпами смены состояний. Накануне конфликта Грузия придерживалась откровенно провоцирующего поведения, шла на прямое нарушение заключенных договоренностей о мирном урегулировании, осуществляла военные провокации. Имея в виду заручиться ресурсом общественной поддержки своих действий среди сограждан, режим М. Саакашвили нагнетал антироссийские настроения. В ночь на 8 августа 2008 г. Тбилиси отдал приказ о начале военной операции против Южной Осетии.

В ходе дальнейшего разворачивания конфликта действия руководства Грузии были отмечены бессистемным аффективным поведением, изначально мотивированным избыточно, но к окончанию активной фазы противоборства постепенно перешедшим к дефицитарной мотивации. Спустя год после окончания конфликта большую часть грузинского общества объединяла патологическая неприязнь к России, в то время как отдельные общественные силы выражали протест против неумелых и неуспешных действий правительства в ходе августовского конфликта.

Поведение Российской Федерации в грузино-югоосетинском конфликте отмечено относительно большей последовательностью и стабильностью. Накануне конфликта Россия энергично протестовала против провоцирующих действий Грузии. Так, в телефонном разговоре с М. Саакашвили 18 июня 2008 г. Д.А. Медведев назвал «недопустимыми» провокации в отношении российских миротворцев, которые осуществляли свою деятельность в соответствии с международными обязательствами⁹.

Кроме того, Правительство России стремилось продемонстрировать свою готовность активно противостоять Грузии, вплоть до применения

силы (сигналом об этом служили действия по уничтожению грузинских самолетов-разведчиков в воздушном пространстве Южной Осетии и внеплановые военные учения войск СКВО). С началом активной фазы конфликта Россия не замедлила с военным ответом на грузинскую агрессию, при этом операция по «принуждению к миру» осуществлялась в соответствии с принципом «разумной достаточности» мер принуждения (удалось избежать аффектно мотивированных действий). По окончании конфликта российское руководство не отступило от активной наступательной позиции и осуществило весь комплекс политических и международно-правовых шагов по демилитаризации югоосетинского и абхазского конфликтных узлов, при этом решительно продвигая свое видение ситуации на мировой арене.

На этом фоне действия США в августовском конфликте 2008 г. представляют оригинальный тип конфликтного поведения, не присущий администрациям Дж. Буша-мл. Складывается впечатление, что Вашингтон, щедро финансируя военное строительство в Грузии для целей совместных операций под эгидой «добровольной коалиции» в Ираке и Афганистане (грузинский контингент в Ираке – около 2000 человек – был третьим по численности после американского и британского), упустил из виду военные приготовления Тбилиси против Южной Осетии. Накануне конфликта администрация Белого дома излучала веру в мирный характер намерений Грузии (лидерский тип). Факт начала боевых действий обозначил растерянность Белого дома по поводу происходящего в регионе. Получая противоречивые сведения о завязке конфликта, Вашингтон колебался между активными (переброска грузинских войск из Ирака) и пассивными (самоустранение от процесса урегулирования конфликта) фазами поведения. Проявленная в ходе августовского конфликта, пусть неприязненная по отношению к России, но все же нерешительность США – новое явление во внешнеполитическом поведении республиканских администраций Дж. Буша-мл., до того использовавших исключительно активные наступательные формы поведения в конфликтах.

С точки зрения теории игр рассматриваемый конфликт относится к типу классических и редких для современности конфликтов «с нулевой суммой», в которых победа одной стороны означает поражение другой. Россия добилась полного преобладания над противником и зафиксировала новый статус-кво в регионе. Такому развитию ситуации, несомненно, способствовал ряд сопутствующих обстоятельств:

- очевидность факта агрессии Грузии;
- нежелание США принимать активную роль в конфликте;
- отвлечение протестующих против действий России международных сил на борьбу с последствиями мирового финансового кризиса 2008 г.

Однако ведущую роль в определении итогов конфликта сыграла решимость руководства России и последовательность его действий (то есть

устойчивость поведения – пенитенциарного и лидерского). Поведение Грузии, напротив, было отмечено резкими колебаниями с общим нисходящим трендом – от избыточной мотивации к дефицитарной. Дальнейшее урегулирование и разрешение конфликта затруднены не только отсутствием желания у правительств двух стран иметь дело друг с другом, но и доминирующей в Грузии дефицитарно мотивированной неприязненностью к России, инерция которой будет сказываться продолжительное время.

Внешнеполитическое поведение США в создавшейся ситуации также не содержит свежих решений – Белый дом при демократах пусть менее охотно, чем прежде, но все же продолжает поддержку тбилисского правительства, одновременно соглашаясь с Москвой в том, что «грузинские дела» находятся на периферии повестки дня российско-американских отношений. В то же время свобода маневра для Российской Федерации также ограничена – она вынужденно осуществила шаги, которые нанесли прямой ущерб жизненным интересам Грузии, уменьшив и без того невысокую склонность грузин идти на компромисс.

В сложившейся ситуации Россия сделала ставку на укрепление сложившегося по итогам конфликта регионального статус-кво. Даже в случае наиболее благоприятного для РФ развития внутривнутриполитических событий в Грузии, абхазский и югоосетинский вопросы останутся в повестке дня двусторонних отношений на обозримую историческую перспективу.

Sushentsov A. A. Models of Conduct of Russian Federation in International Conflicts in 1990-2000 s.

Summary: The article clarifies author's typology of conflict behavior in contemporary international conflicts proposed in previous papers. Based on the methodology of analysis of the motives for conflict behavior the paper contains a classification of the most significant international conflicts 1990-2000's with the participation of Russia. In conclusion are given the results of an in-depth analysis of the Georgian-South Ossetian conflict in 2008, with an emphasis on analyzing the behavior of Georgia, Russia and the United States.

Ключевые слова

Международный конфликт, внешняя политика России, теория международных отношений, конфликтное поведение, конфликтология

Keywords

International conflict, Russian foreign policy, theory of international relations, conflict conduct, conflict studies

Примечания

1. Сушенцов А.А. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО-Университета. № 5. 2011. С. 12-20.
2. Findling J.E. (ed.) Dictionary of American Diplomatic History. Second edition. Westport, 1989.
3. Nye J.S., Lynn-Jones S. International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field // International Security. Vol. 12. 1988.
4. Morgenthau H. J. A New Foreign Policy for the United States. For the Council on Foreign Relations. N.Y., 1969
5. Косолапов Н. А. Теоретические исследования международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. М., 1998.
6. Walt S.M. The Renaissance of Security Studies // International Studies Quarterly. Vol. 35, #2. 1991.
7. Waltz K.N. Theory of International Politics. Boston, 1979.
8. Сушенцов А.А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. Том 8. Номер 3 (24). Сентябрь–декабрь 2010. С. 70-84; Idem. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО-Университета. № 5. 2011. С. 12-20.
9. Телефонный разговор Д.А. Медведева с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. 18 июня 2008. URL: <http://kremlin.ru/news/470>.